

УДК 390.4

НАГОТА: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Пулькин М.В.

В статье представлены основные выводы ряда российских и зарубежных специалистов, связанные с осмыслением такого заметного явления социальной жизни, как нагота. Выявлено, что в современном гуманитарном знании отсутствует единое понимание указанной составляющей проблемы телесности. Наиболее заметный вклад в исследование проблемы наготы внесли этнографы, представляющие наготу как составную часть обрядов перехода, связанную с процессом обретения индивидуумом нового статуса в социуме. Существенный вклад в исследование проблемы наготы внесли искусствоведы и культурологи, разработавшие классификацию видов наготы исходя из современных теорий гуманитарного знания. В точки зрения представителей религиозоведческого знания, нагота расценивается как крайнее проявление аскетизма и преданности Богу.

Ключевые слова: нагота, телесность, систематизация, одежда, социум, обряды, лиминальность, религия, классификация.

NUDITY: CLASSIFICATION ISSUES

Pulkin M.V.

The paper presents the main conclusions of a number of Russian and foreign experts related to the understanding of such a noticeable phenomenon of social life as nudity. It is revealed that in modern humanitarian knowledge there is no unified understanding of this component of the problem of physicality. The most notable contribution of the nudity problem study has been made by ethnographers who present nudity as an integral part of rites of passage associated with the process of an individual gaining a new status in society. A significant contribution to study the nudity problem has been made by art historians and cultural scientists who have developed a classification of types of nudity based on modern theories of humanitarian knowledge. From the point of view of representatives of religious

studies, nudity is regarded as an extreme manifestation of asceticism and devotion to God.

Keywords: nudity, physicality, systematization, clothing, society, rituals, liminality, religion, classification.

Современные ученые не оставляют попыток осмыслить процесс одевания/обнажения и социальное значение одежды. При изучении основных проблем истории телесности обнаруживаются диаметрально противоположные мнения ряда авторитетных специалистов. С одной стороны имеются утверждения о непреодолимой, неразрывной связи формирования запрета на наготу человеческого тела со становлением цивилизации. Археологические раскопки дают возможность судить о том, что одежда появилась в массовом обиходе 40-25 тыс. лет назад [9, с. 5]. Надо полагать, что с того времени в традиционной культуре слово «голый» фигурирует в текстах, описывающих запрещенный, экстремальный или выходящий за рамки повседневности вариант поведения. В то же время научное представление о наготе отличается значительным разбросом мнений. Одни исследователи полагают, что разрушить и устранить навсегда сформированную культурой связь человеческого тела с одеждой никогда не удастся: «человека нельзя раздеть» [29, с. 266].

Задача данной статьи заключается в выявлении основных точек зрения на проблему наготы исходя из достижений ряда наук, включая этнографию, культурологию, искусствоведение и религиоведение.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что даже будучи абсолютно голым, индивид неизменно воспринимается окружающими «как символическая система» [29, с. 266]. Исследователи проблем общественных коммуникаций подчеркивают простую мысль о том, что в социальном мире человеческое тело всегда неизбежно одето. На современном этапе развития этических норм при всей многочисленности случаев их явного нарушения нагота остается абсолютно неприемлемой «почти во всех социальных ситуациях». Даже там,

где собственную обнаженную плоть «в той или иной мере дозволено выставлять напоказ перед случайными зрителями (на пляже, в бассейне, в спальне), мы, скорее всего, не увидим абсолютно открытых тел». Они как минимум обязательно «будут чем-то приукрашены – бижутерией, ювелирными украшениями или хотя бы капелькой духов» [41, с. 42].

Сторонники другой, противоположной точки зрения полагают, что объективно нагота существует и имеет собственное ясно выраженное предназначение в структуре социального поведения. В европейской культуре на протяжении длительного времени полная нагота обозначала «предкультурное или контркультурное состояние человека» [25, с. 58]. В диапазоне мнений нашлось место и для иной, более-менее компромиссной позиции. Нагота может выступать в роли предвестницы физической гибели, но способна стать первым условием для обретения бессмертия души. Обнаженное тело беззащитно и вполне способно подвергнуться заразе, а затем и разложению; оно неизбежно становится мертвым, превращается в труп. Иная, значительно более славная судьба ожидает аскетичное «тело-одежду»: тело иконное, агиографическое, обладает «сиянием духовного подвига» и способно обрести бессмертие [33, с. 163].

Таким образом, исследования традиционной культуры определенно указывают на быструю, простую и доступную каждому возможность выхода за пределы цивилизованного, да и просто обыденного статуса через полное лишение одежды. Этнографические данные вполне подтверждают такую несложную мысль. С древнейших времен нагота рассматривается как привычное состояние индивида, в той или иной мере вовлеченного в сакральные действия, или как нередко присутствующий в традиционном обиходе элемент ритуальных практик [17, с. 80]. Широко известно, что в обрядах перехода у некоторых африканских племен главные участники событий могли «наряжаться чудовищами». Иногда они носили только грязные лохмотья или всё время ходили полностью голыми. Так они наглядно демонстрировали самим себе и всем окружающим, что, будучи лиминальными,

не обладают никаким социальным статусом [38, с. 169]. В обрядах перехода обнажение маркирует отсутствие социального статуса, состояние лиминальности, т.е. промежутка между социальными структурами. Одежда, статус, роли, убеждения – внешние проявления структур, которые нас определяют и защищают. Обнажение – это буквальное и метафорическое снятие этих структур. В русских сказках «через одевание (в первом случае) или переодевание (во втором) осуществляется преобразование героини (ее "рождение заново")». При смене одежды «процесс "обнажения" имеет место с некой ритуальной обязательностью» [31, с. 202]. Обнажение, во-первых, становится фактором социального регресса: такое положение «как бы возвращает человека в природное состояние, выводя его за рамки культурного и человеческого». Во-вторых, нагота устойчиво вписана в сложную культурную традицию. Она нередко становится частью сложных магических обрядов. Ее наличие, а иногда и обязательность в составе обрядовых действий призваны надежно «защитить человека от влияния демонических сил» [37, с. 312]. Но она же, напротив, позволяет вступить в прямой контакт с загадочным потусторонним миром, сознательно, целенаправленно, но порой и случайно призвать грозные и могущественные сверхъестественные, магические силы себе на помощь.

Для человека, в полной мере использующего весь дарованный ему природой многообразный чувственный аппарат, «нагота – богатейшее из возможных выражений структурной формы» [28, с. 137]. «Помимо биологических потребностей, существуют другие сферы человеческого опыта, о которых живо напоминает нагое тело, – гармония, энергия, экстаз, смирение, пафос» [18, с. 16]. Но верно и другое наблюдение, связанное с особой социальной ролью одежды (или ее отсутствия) в человеческом сообществе. Речь идет о постоянно декларируемой законом и нормами приличия недопустимостью публичной наготы: «тело идентифицировалось с тем, во что оно одето», «одежда формирует тело и является им» [13, с. 109, 112]. Внимательное изучение проблем обнаженности показывает, что настороженное отношение к «голой» проблематике вовсе не является привилегией какой-либо

отдельной особо целомудренной цивилизации. Широкий диапазон разнообразных эмоций, связанных с наготой, вынуждает исследователей вновь и вновь обращаться к указанной проблеме, формируя систематизацию ее основных аспектов.

Первая краткая, но вполне жизнеспособная, часто используемая в наши дни классификация, способная помочь в вопросах восприятия наготы обществом, разработана еще в древности. Средневековые теологи разграничивали четыре типа наготы. Первый тип они обозначили как *nuditas naturalis*, то есть естественное состояние человека, по какой-либо практической или вполне оправданной благочестивыми потребностями причине полностью снявшего с себя одежду. В таком случае «нагота символизирует пребывание в изначальной невинности». Она означает «освобождение от пороков, единение с природой, обретение заново райского состояния» [7, с. 42]. Интересна та архангельская былина из сборника А.Д. Григорьева, где Добрыня плывёт в синем море, локусе Змея, в одном пуховом колпаке. Впоследствии головной убор богатыря становится оружием, которым он позже убивает своего врага. Таким образом, то, что эпос, отражая ранние формы общественного сознания, воспринимает как беззащитность героя, изначальное, по всей видимости, свидетельствовало о сакральной отмеченности участника обряда. Ибо нагота обязательно расценивается в традиционной культуре «как знак принадлежности к иному миру» [26, с. 236].

Вторая разновидность обнажения присуща некоторым христианским святым и в особенности типична для юродивых. Это *nuditas temporalis*, то есть нагота как закономерный результат абсолютной и иногда вполне добровольной бедности, сознательного отказа от всех материальных благ, крайнего аскетизма. Здесь вспоминаются рассмотренные далее образы (описания и изображения) юродивых, «одетых пространством» индийских мудрецов, адамитов, современных неоязычников. Безусловная и однозначная связь между обнаженностью и плотским вожделением формировалась длительное время, но оказалась неустойчивой. Некоторые исследователи народной культуры

высказываются по данному вопросу однозначно: для простых людей «обнаженность – символ бедности» [2, с. 51]. Современные исследователи рисуют иные, значительно более негативные, хотя и различные, образы нагих жителей джунглей, а также современных городских обитателей, приверженных очередному экзотическому учению, требующего от своих адептов периодического публичного обнажения, или представителей социального дна. Нередко для них нагота становится дополнением к многочисленным страданиям и тяжким испытаниям, выпавшим на их долю. «Гость, который впервые находится в лесном лагере вместе с индейцами, ощущает одновременно страх и жалость, глядя на этих людей, лишенных всего, словно раздавленных каким-то неумолимым катаклизмом на этой враждебной земле, нагих, дрожащих вокруг мерцающих костров» [23, с. 378].

Становление и развитие цивилизации существенно поменяло жизненный уклад обитателей разных частей ойкумены. Но современные обитатели крупного города вызывают аналогичные чувства. Что подумать о несчастных мужчинах, женщинах, детях, располагающихся на берегу реки в Калькутте (описываемые события происходят в 1962 г.)? Они «сидят на корточках в грязи, облепленные мухами и безразличные к тому, чтобы их прогнать или протянуть руку к прохожему». Следуя тому же наблюдателю, можно рассказать об адской картине укладки дорожного полотна, наблюдавшемся в свое время на индийской дороге: «Обнаженные мужчины, женщины в сари и дети в лохмотьях почти голыми руками укладывают асфальт», который рядом с ними разогревается в огромных котлах [5, с. 254].

Издавна существует целомудренная *nuditas virtualis* – символ абсолютной невинности, присущей, прежде всего и главным образом, раннему детскому возрасту. Во взрослом состоянии невинная, далекая от вожделения нагота встречалась во время спортивных состязаний. «Такая нагота, очевидно, выражала гордость и радость за свое совершенное тело» [42, с. 27]. Известно, что эллины занимались атлетикой полностью обнаженными, предварительно натерев тело оливковым маслом и посыпав его мелким песком. Приликая к

коже, песок забивал поры и предохранял атлетов от простуды. Во время натирания тела маслом и песком происходил массаж и предварительный разогрев тела перед физическими нагрузками: упражнениями или соревнованиями [36, с. 75]. В современном мире сакральная составляющая наготы постепенно исчезает. Открытое тело, публичная обнаженность становится своего рода маркером представителей социального дна. Из архивных документов известно, например, что после наводнения 1862 г. многие жители сибирского края, мест обитания хантов, «пришли в крайнюю бедность, обносились догола». Они «взошли в неоплатные долги» и более не могли уплачивать причитающиеся с них налоговые суммы [21, с. 180].

Это наблюдение носит вневременной характер и касается, в том числе близкого нам исторического периода. В селениях алеутов в XVIII в. обнаружили дети «совсем голые и крайней нечистоте живущие», питающиеся ракушками и рыбьими костями [27, с. 126]. Более поздние свидетельства повествуют об аналогичных ситуациях. Обнаженные тела в послевоенном советском обиходе и сознании современников событий вполне обоснованно и логическим образом связывались с разрухой, бедностью и крайним обнищанием населения. Современница событий описывает свои впечатления от посещения одного из крестьянских домов. «Когда вернулась обратно, взглянула на потолок и увидела полати». На них виднелись «пять детских головок». Ребята «так на меня уставились, как будто я их возьму и съем». На вопрос, что они там делают, отчет оказался простым и предсказуемым: «А мы здесь лежим». «Оказывается, у них буквально нечего одеть, все они голые, даже рубашонок нет, и в избе шаром покати – ничего нет» [1, с. 377-378]. В далекой Индии более близкие нам по времени путешественники могли увидеть сходные картины: «Когда мы приблизились к Калькутте, на целые мили растянулись вереницы маленьких голых детей со вздувшимися животами». Они стояли «вдоль путей на высохших, тонких, как щепки, ножках, протягивая нам пустые консервные банки...» [11, с. 17].

Невинной нагоде противопоставлена *nuditas criminalis* – символ

преступного вождения, необузданных, не в полной мере контролируемых обществом и самим индивидом сексуальных appetitов. Она проявлялась в различные исторические эпохи, оставаясь значимой стороной поведения некоторых личностей, относящихся к разным периодам истории. Такая разновидность наготы сравнительно подробно отражена в источниках, в том числе в криминальных сводках. Судя по росписям на греческих вазах, в античных городах мужчины, от молодежи до людей среднего возраста, дружно «резвились нагишом или почти нагишом (и это была отнюдь не «героическая нагота») от одной вечеринки к другой или возлежали на застольных ложах (κλίνας)». Во время увеселений мальчики подавали им чаши с вином, а девушки развлекали изящной игрой на флейте или лире [15, с. 517].

В отечественных исторических трудах легко найти утверждения, ограничивающие данный тип социального поведения. Полный запрет обнажения распространялся и на мертвецов. В средневековой Руси, когда «горожанин умирал, его тело прежде всего обмывали водой». Монахам, совершающим последнюю гигиеническую процедуру, запрещалось снимать с умершего одежду и видеть его обнаженное тело [32, с. 175; 39, с. 430]. Русские Алтая считали, что тело покойного должен обмывать только представитель его пола или старуха, т.е. женщина, в силу возраста заведомо лишенная плотских желаний [19, с. 80]. Среди староверов-бухтарминцев существовало поверье, согласно которому увидеть себя во сне голым – к предстоящему стыду. Обнаженность тела рассматривалась сибиряками еще и как символ грядущей беспросветной бедности. Наконец, нагота на протяжении веков символизировала в восточнославянской традиции «докультурное», «природное», «исходное» состояние человека, что также существенно и по преимуществу негативно влияло на социальный статус тех, кто мог решиться обнажить свое тело прилюдно [19, с. 153].

Особенно много такого рода свидетельств связано с Латинской Америкой. В частности, не только проповедь, но и насильственные методы приобщения к европейской цивилизации, последовательное привитие стыда

наготы применялись в отношении тех диких племен, представители которых ходили полностью обнаженными, не признавая ни короля, ни какой-либо иной власти, предаваясь «самым чудовищным порокам, таким как инцест и каннибализм» [4, с. 275-276]. Такого рода сцены известны по описаниям, созданным в значительно более позднее время. В свидетельстве, приведенном в монографии Клода Леви-Строса ситуация приобретает иной и более неожиданный характер. Эротические свойства женщин кадувео (получившие реальное плотское выражение или претворявшиеся в рисунках) привлекали некогда на берега Парагвая множество людей, стоящих вне закона, с криминальным прошлым и манили некоторых других сомнительных искателей приключений. Женившись на местных очаровательных обитательницах, многие из них навсегда остались жить среди туземцев. Теперь, состарившись, они «с содроганием рассказывали случайным собеседникам о виденных ими когда-то и навсегда замороживших их «обнаженных юных телах, сплошь покрытых переплетениями и арабесками», и наделенных от природы какой-то малопонятной европейцу «тонкой извращенностью» [24, с. 295]. Свидетельства, существенно более близкие в хронологическом и географическом планах, содержат сходную информацию. Из числа петербургских проституток середины XIX в. наиболее низкой по социальному статусу категорией стали так называемые «кабачницы». По свидетельству современника событий, «нагота этих женщин прикрыта отрепьем, а иногда только одной грязью. Жизнь у них поддерживается самой грубой пищей и преимущественно водкой». Спиртное и продукты питания перепали им случайно [12, с. 188].

Приведенная выше классификация является первой попыткой обобщить исключительно сложный и многообразный феномен социальной жизни. Несмотря на необыкновенную значимость проблемы, в настоящее время отсутствует целостная, всеохватывающая концепция наготы как явления мировой культуры, связанного как с повседневным, профанным укладом жизни, так и со сферой сакрального. Тем не менее, накопленный потенциал познаний, включающих достижения ряда смежных наук, позволяет

разграничить понятия нагое и голое. Голое, как и нагое – это тело полностью без одежды. Но на указании данного факта сходство заканчивается, дальше мы наблюдаем существенные различия. Нагое тело в отличие от голого является продуктом осознанного и целенаправленного социального конструирования. Присутствие наготы в повседневной жизни носит конвенциональный характер: тесно связано с господствующими на данный момент морально-этическими нормами. Красноречиво и предельно просто высказывался о сложной проблеме соотношения голого и нагого театральный критик Н. Евреинов: «О нагой женщине я могу вести беседу со своей матерью, дочерью, сестрой, не оскорбляя вовсе их чувства целомудрия». Но про голую даму придется говорить вполголоса в тесной мужской компании друзей и обязательно за закрытой дверью. Проще говоря, каждая нагая женщина также еще и голая, «но не всякая голая женщина одновременно и нагая» [10, с. 107].

Идеи Евреинова получили заметное развитие в современной науке. Слово «нагой», утверждает искусствовед Кларк, вызывает в уме не образ «съежившегося и незащитного тела», но образ вполне «уравновешенного, цветущего и уверенного», преобразованного тела, полностью соответствующего быстро меняющейся социальной действительности [18, с. 10]. Кларк сформулировал разницу между *nakedness* и *nudity* (которые на русском языке соответствуют словам «раздетый» и «нагой»). В первом случае перед нами тело, еще хранящее следы одежд, то есть раздетое (тогда как в принципе, согласно действующим нормам, в данный момент ему подобает быть одетым). Это обнаженность, подразумевающая более-менее грубое нарушение общественных условностей. Во втором – «это нагота без печати одежд, без печати греха. Она самодостаточна – как нагота античных статуй» [18, с. 15]. Нагое тело предполагает наличие заинтересованного зрителя. Его оценивающий и внимательный взгляд самым существенным, решающим образом влияет на самовосприятие. Напротив, человек, которого принудили раздеться, чувствует себя объектом чужих принудительных манипуляций, переживая унижение и стыд. Применительно к культурам древности нагота

может казаться нам надежным знаком, повествующим о том, что люди, если позволяли климатические условия, чувствовали себя в своем городе абсолютно как дома. За надежными и прочными стенами они могли стабильно существовать в счастливой полной открытости. Так они отделяли себя от бесцельно скитающихся по миру кочевников-варваров, лишенных несокрушимой и абсолютной защиты городских стен и оттого постоянно облаченных в непроницаемые, плотные одежды [35, с. 33].

Тонкое различие между значениями слов «нагой» и «голый» является тем редким случаем в русском языке, когда синонимы имеют не столько стилистическую, сколько смысловую и философскую разницу. Если говорить кратко, слово «голый» подразумевает отсутствие одежды (иногда так в переносном смысле говорят про факт), а «нагой» – про естественное, природное состояние или высокую степень открытости. Указанные слова разграничиваются по четырем уровням. Во-первых, уровень этимологии. Известно, что *голый* – слово, родственное «голец» (лысая гора), «голь» (бедность). Оно изначально подразумевало отсутствие лишнего, бедность покрова, оголенность, в то время как *нагой* является старославянским (книжным) словом, родственным санскритскому *nagna* и латинскому *nudus* (отсюда слово «нудизм»). *Нагой* несет в себе смысловой оттенок изначальности и таким образом наделяется глубоким философским смыслом. Во-вторых, здесь присутствуют смысловые оттенки: *голый*, в прямом значении подразумевает отсутствие одежды, обнаженность. Примером могут послужить словосочетания «голые руки», «голый ребенок». В переносном смысле *голый* означает крайнюю бедность («голь перекатная», «гол как сокол», а также отсутствие покрова (голое дерево) и так называемы чистый факт: ничем не прикрытый, отвлеченный, взятый сам по себе, без прикрас (голые факты, голая правда, голый расчет). Здесь *голый* означает циничность и бесстыдство реальности.

Слово *нагой* подразумевает высокий, поэтический стиль, означая то же, что *голый*, но без бытового или негативного оттенка. Часто используется для описания красоты тела. Примером здесь могут стать простые словосочетания:

выражение «нагая Венера» прозвучит как эталон красоты, в то время как «голая Венера» воспринимается как вульгарное выражение. Другой смысл подразумевает естественность: не просто отсутствие одежды, а изначальное природное состояние, не предполагающее стыда. Примером здесь может послужить неодушевленная природа: в обиходе привычным стало выражение *нагая степь* или *нагая ветка*. Нагота выступает в роли метафоры незащитности, присутствующей в религиозной и шире – в духовной сфере, расценивается как уязвимость, открытость души. Наиболее простым примером здесь являются выражения из сакральной сферы: «Нагой перед Богом» (стоит без защиты, в своей истинной сути). Последнее различие является ключевым: оно предполагает противопоставление стыда и эстетики. Если человек рассматривается как голый, мы обычно представляем себе, что он по каким-то причинам раздет (одежда была, но ее сняли). Здесь есть элемент нарушения действующей нормы поведения, странностей быта или возможного проявления стыда. Если человек нагой, мы представляем себе, что он предстает таким, каким родился, в своем естественном и изначальном состоянии. Здесь нет стыда, но есть красота, природа или трагедия (беззащитность).

Подводя итог сказанному, можно заметить, что *голый* – это часто про текстильную материю и про отсутствие ткани на теле, более-менее прикрывающей его, а *нагой* – про дух и отсутствие на нем покрова условностей.

В период раннего Нового времени последовательно дисциплинируются человеческие эмоции, и, здесь это главное, меняется отношение к телу. Тело постепенно делается чем-то интимным; нагота понемногу, но последовательно изгоняется из быта. Морально недопустимым становится отправление естественных потребностей (включая даже сморкание и плевание) на людях [16, с. 308]. Обобщая первый пуританский опыт Нового времени, один из современных исследователей подчеркивает парадоксальность ситуации в телесной сфере: «Самое главное, что мы знаем о коже, – тот факт, что до XX века ее почти не было видно. На протяжении столетий значительная часть человеческого тела, как правило, пряталась под одеждой». Непрозрачный слой

ткани укрывал ступни, ноги, торс и руки и ревниво «защищал кожу от визуального или физического контакта с окружающим миром» [6, с. 171]. Исключением стала работорговля, заранее предполагающая крайне шокирующие сцены. Описание подбора потенциальных рабов тесно связано с публичным обнажением несчастных пленных, захваченных с целью продажи. «Шако, надзиратель-мулат, был также кем-то вроде негритянского врача»: легко мог с первого взгляда точно определить, здоров раб или нет. «Он ощупывал обнаженных негров с головы до ног, сжимая их суставы и мышцы, сгибая руки в локтях и ноги в коленях, проверяя зубы, глаза и грудную клетку, щупая грудь и пах без всякой пощады». Рабы стояли перед ним парами совершенно голые. Их заставляли прыгать, кричать, ложиться на землю, перекатываться, задерживать дыхание на продолжительное время. «С женщинами и девушками инспектор-мулат обращался не менее сурово, чем с мужчинами» [8, с. 236].

Исследователи проблемы обнаженности, обращаясь к современным данным, предлагают свой, существенно отличающийся взгляд на проблему разграничения нагого и голого. Принципиально новые суждения современных авторов предполагают отрицание самой идеи наличия в реальности голого тела. «Голого тела не существует, поскольку не существует тела вне культуры. Есть только нагое тело» [30, с. 166]. «Нет и не может быть наготы как таковой, нет и не может быть нагого тела, которое было бы только нагим, – нет и не может быть просто тела» [3, с. 76]. Иногда в научном обиходе встречается компромиссная исследовательская позиция, выраженная в насмешливой форме: «глядя на экран телевизора, зритель не всегда успевает сообразить: это еще обнаженное или уже голое?» [40, с. 88]. Присутствующее в повседневном укладе современного общества публичное обнажение преимущественно женского тела мгновенно повлияло на личную жизнь европейцев нового времени. Невинный спектакль, молчаливо принятый общественным мнением, вернул телу сексуальное измерение. С тех пор нагота естественным образом стала культивироваться в интимных отношениях [14, с. 85].

Отдельные группы наших современников оказываются в авангарде социальных изменений. Они вполне предсказуемо подвергаются критике со стороны тех индивидов, которые придерживаются консервативных взглядов. Иногда попытки внедрить групповое обнажение предпринимаются на коллективных психологических тренингах. Исходя из непростой создавшейся ситуации, навязчивого желания некоторых участников оголиться не только в духовном, но и в физическом смысле, знаменитый американский психотерапевт Лоуэн специально заявил, что не поощряет полного обнажения в своих группах. Он вполне обоснованно полагает, что нагие тела станут чрезмерно привлекать внимание некоторых из числа участников. В конечном итоге они вызовут неуместное возбуждение и отвлекут от поставленных перед ними терапевтических целей. Однако и ему пришлось признать, что некоторое, частичное, осуществляемое с соблюдением приличий обнажение тел помогает в условиях группы сломить один из защитных фасадов, за которыми люди обычно умело и привычно прячут свои сомнения и ранимость [34, с. 235].

Актуальное для современного общества восприятие проблем обнаженного тела породило длительную дискуссию. Современное общество активно обсуждает проблемы обнаженного тела. Существуют различные точки зрения: полное отрицание наготы, акцентирование на её связи с дикостью, подчеркивание актуальности проблемы наготы в современном культурном укладе, констатация её очевидного присутствия в повседневной жизни. Среди ученых обнаружили сторонники различных точек зрения.

Наиболее радикальная *первая точка зрения* связана с полным отрицанием наготы, причислением ее к невозможным, нереализуемым на практике явлениям. В частности, «женщину невозможно раздеть, потому что ее нагота вся символична» [22, с. 109]. Исследователи проблем общественных коммуникаций подчеркивают простую мысль о том, что в социальном мире человеческое тело всегда, неизбежно одето.

Вторая точка зрения состоит в том, что нагота выводит человека за грань цивилизации. Она приводит индивида в состояние дикости, нахождения за

рамками культуры. Нагота делает личность уязвимой, открытой взору Другого и неспособной защититься от него. Как известно, одежда выступает в качестве сакральной защиты [43, с. 134]. Научные исследования в сфере этнографии и фольклора указывают на быструю, соблазнительно простую и доступную каждому возможность выхода за пределы цивилизованного статуса через полное лишение одежды. «Процессы "уравнивания" и "обнажения" часто приводят своих субъектов в состояние полного аффекта. Все природные инстинкты человека, безусловно, высвобождаются с помощью этих процессов» [38, с. 198].

Третья точка зрения связывает наготу с современным культурным укладом, не отрицая ее актуальное значение в общественной жизни и не оспаривая сам факт ее существования. Сторонники данной точки зрения настаивают на том, что обнаженное тело все чаще появляется и неустраимо присутствует в повседневной жизни современного социума, постепенно становясь всё более приемлемым, конвенциональным и оправданным явлением. Обнажение расценивается как способ самораскрытия, знак доверия, выражения любви и дружбы, способ отличия своих от чужих. «Отсюда многочисленные формы ритуальной наготы, которая не вызывает чувства стыда и считается нормальной и даже обязательной» [20, с. 196-197].

Список литературы:

1. Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. 432 с.
2. Богатырев П.Г. Народная культура славян. М.: ОГИ, 2007. 368 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 223 с.
4. Боксер Ч.Р. Золотой век Бразилии. От заокеанской колонии к процветающему государству. 1695-1750. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2025. 319 с.
5. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Изд-во «Весь Мир», 2008. 552 с.

6. Винсент С.Дж. *Анатомия моды: манера одеваться от эпохи Возрождения до наших дней*. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 288 с.
7. Гущина К.Н. Соматизация художественного пространства в лирике Н. Нарбута (на примере стихотворения «Гадалка») // *Лингвистика и образование*. 2021. Т. 1. № 2. С. 38-46.
8. Доу Д.Ф. *История работоторговли. Странствия невольничьих кораблей в Атлантике*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. 383 с.
9. Дудникова Г.П. *История костюма*. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 416 с.
10. Евреинов Н. *Сценическая ценность наготы // Нагота на сцене*. Сб. статей под ред. Н.Н. Евреинова. СПб., 1911. С. 107-115.
11. Зихровский Г. *Индия без покрывала*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 292 с.
12. Ильюхов А.А. *Проституция в России с XVII века до 1917 года*. М.: Новый хронограф, 2008. 560 с.
13. *История тела: В 3-х т. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 480 с.
14. *История тела: В 3 т. Т. 3: Перемена взгляда: XX век*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 464 с.
15. *Кембриджская история древнего мира. Т. IV: Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525-479 гг. до н.э.* М.: Ладомир, 2011. 1112 с.
16. Кёнигсбергер Г.Г. *Европа раннего Нового времени, 1500-1789*. М.: Весь Мир, 2006. 320 с.
17. Кириленко Е.И. *Опыт тела в восточнославянской культурной традиции // Бюллетень сибирской медицины*. 2006. № 4. С. 7-82.
18. Кларк К. *Нагота в искусстве*. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
19. Коляскина Е.А. *Традиционные представления о женском теле русских Алтая // Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4. С. 79-81.

20. Кон И.С. Обнаженное мужское тело в русском изобразительном искусстве // Тело в русской культуре. Сборник статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 194-222.
21. Кулемзин В.М. Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв.: этнографические очерки. Тюмень: Мандр и Ко, 2006. 208 с.
22. Куликова С.Н. Предвкушенье слаще, чем вкушенье: виртуальная функция соблазна в рекламной коммуникации // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2016. № 14. С. 107-116.
23. Леви-Стросс К. Печальные тропики. Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1999. 576 с.
24. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академический Проект, 2008. 555 с.
25. Лелеко В.Д. Тело/костюм на «витрине» европейской культуры // Креативная экономика и социальные инновации. 2014. Вып. 7. С. 57-62.
26. Лисюченко И.В. Миф, ритуал и власть у восточных славян. М.: Б.и., 2009. 456 с.
27. Ляпунова Р.Г. К вопросу об общественном строе алеутов середины XVIII в. // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 121-136.
28. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: «КАНОН-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
29. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 667 с.
30. Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: Научная книга, 2000. 172 с.
31. Неклюдов С.Ю. Голая невеста на дереве // Славянский и балканский фольклор. Виноградье. К юбилею Людмилы Николаевны Виноградовой. М.: Индрик, 2011. С. 195-204.
32. Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 184 с.

33. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. 341 с.
34. Свирепо О.А., Туманова О.С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004. 270 с.
35. Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. 504 с.
36. Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии в VI-I вв. до н.э. СПб.: Алетейя, 2000. 288 с.
37. Славянская мифология: энциклопедический словарь. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Международные отношения, 2019. 512 с.
38. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
39. Шокарев С.Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012. 476 с.
40. Щеглов Л.М. Эрос в зеркале культуры // Философские науки. 2010. № 4. С. 84-93.
41. Энтуисл Дж. Модное тело. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 392 с.
42. Якоби М. Стыд и истоки самоуважения. М.: Институт аналитической психологии, 2001. 250 с.
43. Яковлева Е.Л. А.Н. Фешина и ее амбивалентная роль натурщицы: экзистенциально-феноменологический анализ // Человек. Культура. Образование. 2025. № 2. С. 121-149.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.